

ЛАСЛО ЯСАИ
(Будапешт, Венгрия)

Размышления по поводу языковой интерпретации при обучении студентов-русистов

Аннотация: В данной статье предметом рассмотрения являются разные грамматические формы глагольного действия, способные вступать в синонимическое отношение с другой грамматической формой глагола. При выделении такого смыслового единства на первый план выступает различие интерпретирующего характера. Автор ставит себе целью обратить внимание на важность такого рода различий и представить их особенности с точки зрения способов выражения. При анализе явления грамматической интерпретации основной акцент делается на глагольные категории залога, вида и времени, кроме того, уделяется особое внимание и формам деепричастий в сравнении с глагольным предикатом главного действия.

Ключевые слова: интерпретация действия, функциональная грамматика, залог, слабая оппозиция видов, транспозиция временной формы, деепричастие

1. К постановке вопроса. В настоящей статье речь пойдет о том, что глагольные действия по-разному могут быть интерпретированы в пределах общего смыслового содержания при обозначении одного и того же фрагмента действительности. Вопрос о языковой (в том числе и грамматической) интерпретации составляет один из существенных аспектов функционального направления в изучении грамматики. В русской лингвистике, как известно, принципы функциональной модели описания языка изложены в работах А. В. Бондарко. Из ряда его монографий здесь укажем на кн. (БОНДАРКО 1983: 3–115), заметив, что некоторые теоретические основы этого направления стали разрабатывать еще классики русского языкознания более ранней эпохи, – см., в частности, исходно-семантическую ориентацию (Л. В. Щерба) или теорию поля (И. И. Мещанинов), а полный обзор в этом отношении см. в кн. (БОНДАРКО 2002: 17–95). Прежде чем перейти к конкретным вопросам языковой интерпретации, коротко остановимся на важнейших особенностях функционально-семантического подхода.

Согласно функциональной грамматике петербургской школы при описании языковых явлений предпочтение отдается исходно-семантическому подходу и, как следствие этого, на семантическом основании в общую

категорию объединяются разные формы и структуры, образуя некоторый общий смысл как единый «семантический инвариант». На самом деле, таким образом создаются не категории (в традиционном смысле грамматики), а более комплексные функционально-семантические поля, которые могут включать в себя разноуровневые средства (морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексические) и, как правило, они могут быть упорядочены в этой системе по принципу центра и периферии. Важно заметить, что при этом более традиционный исходно-формальный метод не отвергается, в частности и потому, что семантическое содержание может стать исходным пунктом только после того, как рассматриваемые значения уже были выведены из данной формы.

С точки зрения цели нашей статьи следует подчеркнуть, что функциональная грамматика, конечно, не может и не должна ограничиваться констатацией того, какие (формально разные) средства имеются в языке для выражения некоторого общего смысла. Одна из важнейших особенностей этого направления заключается как раз в том, что при наличии синонимических форм и структур необходимо выявить существующие между ними специфические семантические различия, не выходя за пределы единой смысловой основы. На наш взгляд, помимо лингвистического описания, особенно важно следовать такому принципу и в педагогической практике при обучении русскому языку как иностранному. Ниже обратим внимание на несколько таких случаев в связи с глагольным действием, у которых семантическое различие в синонимических формах сводится к их интерпретирующему характеру.

1.1. Языковую интерпретацию относительно глагольных действий, на наш взгляд, можно трактовать в широком и узком смысле. Логично говорить о широком понимании интерпретационного различия, если данное понятие включает в себя не только средства грамматики (это – узкое понимание), но и синонимичные (или близкие по значению) лексические единицы, которые при сохранении общей смысловой основы по-разному интерпретируют «одно и то же» действие. Приведем для иллюстрации сказанного простой пример из круга способов глагольного действия, которые, как известно, уточняют характер протекания основного действия во времени. Сравним употребление нейтрального исходного глагола и двух его приставочных модификаций с точки зрения способа представления данного действия: *голова болела* (это – наименование в общей форме), *голова побаливала* (с оттенками: ‘слегка’ и ‘длительность состояния’) и *голова разболелась* (с оттенком ‘сильно’). Кроме того, нельзя исключить, как мы полагаем, и наличие интерпретационного (правда, не грамматического) характера действия из некоторых глаголов, составляющих синонимический ряд. Ср. *посещать* (*посетить*), *навещать* (*навестить*), *проведывать* (*проведать*) и

наведываться (наведаться). Не вдаваясь в подробности, укажем лишь, что в этом случае по Новому объяснительному словарю синонимов (АПРЕСЯН 1997: 262) дифференцирующими признаками являются следующие условия, оказывающие влияние на выбор глагола: 1) каковы цель и функции визита, 2) в чьих интересах осуществляется визит, 3) каков характер объекта, 4) имело ли место знакомство с объектом до данного визита, 5) что находится в фокусе внимания – идея взаимодействия с объектом или идея перемещения в точку с ним, 6) какова продолжительность визита (подробнее см. полную статью в указ. работе: 262–266). Во многих случаях выбор подходящего глагола определяется стилистическими аспектами. Например, стилистической интерпретацией различаются члены следующего синонимического ряда: *умереть* (нейтр.), *помереть* (разг.), *скончаться* (высок.), *издохнуть* (прост.), см. в кн. (ЛЕНДВАИ 1998: 135).

2. О грамматической интерпретации. Различия интерпретационного характера действий в работах А. В. Бондарко получают освещение в основном на примерах разного рода грамматических преобразований, связанных с категориями вида, времени и лица – см., в частности, раздел в кн. (БОНДАРКО 2002: 108–120). Автором был введен и термин «интерпретационный компонент», который вместе с понятием «смысловая основа» является ключевым при описании характера различий (БОНДАРКО 1992). В этой связи опять же следует указать на важность формальных средств языка: «Каждая форма (в частности, грамматическая форма слова и синтаксическая конструкция) является носителем специфического, свойственного только ей способа языковой интерпретации выражаемого смыслового содержания» (БОНДАРКО 2002: 119).

В свете сказанного представим языковую интерпретацию на нескольких примерах, заимствованных из области грамматики. Все типично глагольные категории русского языка связаны (хотя в разной мере) с грамматической интерпретацией. 1) Наибольшей степенью выражения этой особенности выделяются залоговые противопоставления, в первую очередь – противопоставление актива и пассива. В комплексную структуру залоговости входят и безличные предложения, также модифицирующие характер интерпретации – часто при сохранении значения лица, но обязательно без подлежащего (см. *я хочу* → *мне хочется*). 2) Интерпретирующие особенности, конечно, характерны и для категории вида, за исключением так называемого «сильного противопоставления» видовых форм, когда очевидно нарушается единство смысловой основы (см. ниже). 3) Касательно же категорий времени и лица интерпретационный характер действия передается в переносном употреблении, в случае категории времени – совместно с глагольным

видом. Ниже мы ограничимся примерами из сферы залога, вида и времени, и, наконец, уделим внимание деепричастным конструкциям.

2.1. Интерпретация действия средствами залога. В системе залоговости основное противопоставление составляют конструкции актива и пассива. Согласно этому, говорящий может исходить из субъекта действия (это значит, что субъект занимает позицию подлежащего) или из объекта действия (в этом случае в позицию подлежащего попадает объект), но при этом изменяется лишь грамматическая перспектива высказывания при неизменности общего смысла. Ср.: *Водитель открывает/закрывает двери* и *Двери открываются/закрываются водителем*.

1) Особый случай представляют «конкурирующие» перфективные формы причастного пассива, с одной стороны, и возвратно-страдательного залога, с другой. Следующие параллельные конструкции также различаются интерпретацией при сохранении «смыслового инварианта». Ср.: *Книга найдена* и *Книга нашлась*; *Древний текст сохранен полностью* и *Древний текст сохранился полностью*; *Всё будет забыто до завтра* и *Всё забудется до завтра* и т. п. Различие здесь заключается в следующем: формой причастия подчеркивается перфектное значение состояния (т. е. статальное значение), тогда как при употреблении возвратно-страдательного глагола СВ это значение выражено в более ослабленной форме, – внимание говорящего акцентируется в первую очередь на семантическом компоненте ‘сам собой’, ‘без внешнего воздействия’. Однако предлагаемое различие является неустойчивым: на него оказывает влияние и характер лексического значения глагола. Так, например, при сопоставлении предложений *Одежда изношена* и *Одежда изнасилась* компонент ‘сам собой’, ‘без внешнего воздействия’ не может быть истолкован. Указанное выше различие станет особенно очевидным, если рассматриваемые формы употреблены в одном и том же контексте, как это показано в диалоге, процитированном в статье (Grosz 1999: 207): – *Передачик сломан. – Сломался или сломан? – Об этом я расскажу позднее*. Автор справедливо отмечает, что только в первом предложении диалога форма *сломан* употреблена в собственно статальном значении, во втором (вопросительном) предложении эта же форма выражает акциональность (см. там же: 207). В то же время заметим, что акциональность здесь передается имплицитно, – эксплицитной, как мы считаем, она могла бы стать при реализации какого-либо семантического субъекта (*Кем?*). Именно потенциальная возможность реализации «творительного субъекта» представляется объективным показателем при разграничении подлинных и квази-пассивных предложений. Ср. возможность *Книга (была) найдена бабушкой* при невозможности **Книга нашлась бабушкой*.

2) Наконец, в рамках поля залоговости коснемся того типа безличной конструкции, который представляет промежуточное звено между личным и страдательным действиями. Следующий структурный тип предложения достаточно широко представлен и в литературных текстах: **Ветром сорвало крыши с домов, ломало заборы и деревья, сорванными вывесками разбивало окна магазинов** (В России (05.06.1913) // «Русское слово», 1913). Видимо, для выражения одного и того же общего смысла в русском языке могут быть применены три разные конструкции, и каждая из них по-своему интерпретирует действие: 1) *Ветер сорвал крышу* (личное двусоставное предл.), 2) *Крыша сорвана ветром* (страдательное предл.) и 3) *Ветром сорвало крышу* (безл. предл.). Страдательная конструкция и данная безличная конструкция объединяются и на основе сходного поведения семантического субъекта, – этот компонент оформляется творительным падежом и «творительный субъект» может быть опущен в обеих синтаксических конструкциях. Поскольку в литературных текстах такого рода интерпретацию нельзя считать редким исключением, приведем несколько примеров на бессубъектное употребление: *Учитываются течение и дрейф льда, чтобы определить, куда унесло лодку* (М. С. Бабушкин. Восьмой раз на «зверобойке»). *Когда сорвало крышу с избышки, малость поговорили* (Василий Шукшин. Начальник). *Не переживай... Меня только ранило. Пуля не задела сердце* (Александр Купер. Истопник // «Дальний Восток»).

2.2. Интерпретация действия и вид глагола. Интерпретирующий характер является несомненно важной особенностью этой категории, но она не охватывает ее в полной мере. Как уже указывалось выше (см. в 2.), при сильном противопоставлении видов (когда противопоставлены их основные значения) семантические различия очень часто выходят за рамки традиционного представления грамматических значений. Конкретно это значит, что если выражается, с одной стороны, процессно-длительное действие или состояние (НСВ), и, с другой стороны, конкретно-фактическое действие с указанием на достижение результата (СВ), то трудно безоговорочно поддержать такую позицию, согласно которой мы имеем дело просто с грамматическими формами одной и той же общей смысловой основы. Обратим внимание на то, что в языках, в которых понятие вида воспринимается не точно по логике славянского мышления (как, напр., в венгерском), такого рода различия зачастую передаются другими глаголами или – касательно значения НСВ – описательным путем. Ср., например, состояние *умирает* ('haldoklik') и конкретно-фактическое действие *умер* ('meghalt'): *Князь не только узнал, что он умрет, но он чувствовал, что он умирает, что он уже умер наполовину* (Л. Толстой. Война и мир).

В подтверждение сказанного выше показательным примером может являться и видовая пара *открыть–открывать* в значении 'устанавли-

вать/установить существование чего-н. ранее неизвестного' при выражении процесса (с оттенком стремления, попытки): *О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда он открыл Америку, а когда он открывал ее* (Достоевский. Идиот, – исповедь Ипполита). Очевидно, что для передачи данного процессного значения в венгерском языке словарный эквивалент *felfedez* не подходит, – необходимо прибегнуть к использованию другого глагола. См. в переводе И. Макаи: *Biztosak lehetnek abban, hogy Kolombus nem akkor volt boldog, amikor felfedezte Amerikát, hanem akkor, amikor még csak kereste* (Ford. Makai Imre). Когда процесс выражается вместе с оттенком попытки (в принятой терминологии это его «конативная разновидность»), то в таком контексте СВ (при отсутствии результата) часто употребляется с отрицанием, следовательно, контраст в плане оппозиции видов становится максимальным: *решил, но не решил; уговаривал, но не уговорил; меня убивали, да не убили* и т. п. Подобные примеры см. в кн. (JÁSZAY 2019: 49–50).

Из изложенного выше следует, что об интерпретирующей функции видов целесообразно говорить лишь в случае их слабой оппозиции. В то же время трудно отрицать, что такого рода интерпретация связана с весьма широкой сферой употребления НСВ в общефактическом значении, которое – в результате привативного характера оппозиции – нередко вступает в квази-синонимическое отношение с парным глаголом СВ. Высокую степень сближения видов в аспектологии принято называть «конкуренцией». Приведем простые примеры из аспектологической литературы: *Он пригласил меня в гости* (значит, приглашение актуально в момент речи). *Он приглашал меня в гости* (неизвестно, по-прежнему ли актуально приглашение). *Я взял с собой деньги* (деньги со мной). *Я брал с собой деньги* (неизвестно, есть ли они еще у меня) (ГЛОВИНСКАЯ 2001:180). *Мне предложили написать на нее рецензию* (Сейчас я обдумываю предложение). *Мне предлагали написать на нее рецензию* (Скорее всего, в настоящий момент я уже отказался) (ПАДУЧЕВА 1996: 57). Выбор при конкуренции иногда определяется учетом более широкой ситуации, в центре внимания которой находится отношение говорящего к результату. См. примеры в пособии (ГУРЕВИЧ 2008: 131): 1) *Кто нам взял билеты в цирк? Коля? Передай ему от меня спасибо.* 2) *Кто брал билеты? Коля? Неужели он не мог выбрать места лучше?*

2.3. Интерпретация действия и временные формы глагола.

Интерпретирующая функция временных форм связана с их переносными значениями по сравнению с употреблением данных форм в прямом значении. Из широкого круга вопросов выделим

два типа временной транспозиции – это 1) форма настоящего в значении прошедшего и 2) форма прошедшего СВ в значении будущего.

1) Наиболее распространенный (и, конечно, общеизвестный) способ транспозиции – использование *настоящего исторического* (praesens

historicum) в значении прошедших действий. Такой способ употребления формы настоящего времени глагола НСВ широко представлен как в повествовательных текстах, так и в диалогах при рассказе о прошедших событиях. Речь идет о преобразовании следующего типа: *Пришел я на кафедру и сразу позвали меня к телефону* → *Прихожу я на кафедру и сразу зовут меня к телефону* или *Вор выбежал на балкон и прыгнул вниз* → *Вор выбегает на балкон и прыгает вниз*. При таком преобразовании изменение интерпретации состоит в том, что действия, произошедшие в прошлом, изображаются так, как будто они происходят в настоящем, на наших глазах. Заметим в этой связи, что возможность такой транспозиции действия свидетельствует о лексическом тождестве глагольных форм с противоположным видом и тем самым, о видовой парности этих глаголов. (Применимость данного приема называется в аспектологии и критерием Ю. С. Маслова.)

2) Форма прошедшего СВ в частных случаях может указать на временной план будущего. Это также простой метафорический перенос, в основе которого лежит стремление говорящего образно и более экспрессивно выражать отнесенность действия к будущему: говорящий смотрит на действие, которое неизбежно произойдет, так, как будто оно уже и произошло. В этой функции часто выступают глаголы *погибнуть* и *пропасть*, которые своими формами прошедшего времени способны акцентировать, что нежелательные последствия неизбежны. См.: *Спутники плакались: «Мы погибли, если нас узнают!»* – *«А я погиб, если меня не узнают»*, – сказал Бион (М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция). *Но если мне не удастся отмазать босса – тогда мы пропали, оба* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет).

В другом, строго определенном контексте – при выражении условно-гипотетического значения – перенос действия прошедшего СВ в план будущего, как кажется, лексически менее ограничен. Прочитируем два примера из кн. (ГЛОВИНСКАЯ 1982: 64): *Ну, ладно, выполнил (выполню) я вашу просьбу, а дальше что? Уехал (уюду) я из Москвы, а что с пропиской?* Среди условий, благоприятствующих реализации данного значения, автор выделяет (1) обратный порядок слов (*выполнил я*) и (2) противительный по смыслу контекст второй предикативной части, в которой указывается на нежелательность последствий (Там же).

3) Наконец, следует упомянуть также о глаголах однонаправленного движения с приставкой *-но*. Здесь перенос из формы прошедшего времени в значение будущего имеет место в 1-м лице: в формах *я пошел / побегал / поехал* и др. начало действия в представлении говорящего сливается с наступлением момента будущего, не разобщенного с моментом речи. Формулируя проще, относительно субъективного восприятия говорящего момент начала действия, в сущности, совпадает с моментом речи.

2.4. Деепричастные обороты в свете интерпретации действия. В русском языке весьма широко распространены деепричастные обороты, интерпретирующие действия особым способом. В таком предложении, различаются два типа действия – с одной стороны, главное действие (выполняющее роль сказуемого), с другой стороны, деепричастие (либо НСВ, либо СВ), которое, семантически сближаясь в той или иной степени с обстоятельствами, придает действию или состоянию как бы фоновый, сопутствующий характер (ср. ШВЕДОВА 1982: 181). При этом деепричастие НСВ выделяет его акциональный характер, а форма СВ – статальное значение: *Выпивая и закусывая чем-нибудь, компания предавалась приятностям русской беседы* (Юрий Буйда. Щина // «Знамя», 2000). *Рядом, склонив голову, слушая музыку, сидела чудаковатая собака, его друг* (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976).

В этом плане может быть интересным сопоставление с венгерским языком, в котором также употребляются деепричастные формы. Такое сравнение показывает, что в большинстве случаев в художественном переводе естественным эквивалентом русской деепричастной формы является обычный глагольный предикат, и – особенно в случае деепричастия НСВ – эта форма гораздо реже употребляется по образцу русского предложения. К этому «осторожному» выводу мы приходим, в частности, на основе сопоставления оригинального текста и перевода семи рассказов К. Федина, изданных в серии книг двуязычной литературы (FEGYIN 1959). Ниже мы кратко продемонстрируем наиболее типичную передачу смысловой эквивалентности при сопоставлении нескольких предложений в художественном переводе.

1) Деепричастием НСВ выражается полная или частичная одновременность действий. При этом в качестве доминирующего способа соответствия выделяется: деепричастие НСВ = глагольная форма (венг.): (1) *Потом сел на скамейку и просидел до вечера, не шевелясь, глядя в окно, откуда виден был залитый солнцем неподвижный сад* (К. Федин. Сад). *Aztán leült a padkára, és estig üldögélt, meg sem mozdult, kinézett az ablakon, ahonnan láthatta a napfénybe borult, mozdulatlan kertet* (Ford. Gyöngyi László). (2) *Молчать!* – крикнул отец и, *перегибаясь* через кресло, *царапая* лапкой тростниковое плетенье спинки, *забормотал* (К. Федин. Старик). *Hallgass!* – kiáltotta az apa; *kihajolt a karosszékéből, mancsával a támla nádfonatát karmolta, és felmordult* (Ford. Gellért György). (3) *Вот оно, письмо ваше, сказал Петр, вытаскивая* из кармана *скомканный* листок (К. Федин. Старик). *Itt van a levele, – mondta Pjotr, s kihúzta zsebéből az összegyűrt papírlapot* (Ford. Gellért György). (4) *Я брел, озираясь* на *остатки сада* <...>, *заглядывая* во дворы, где под заборами *никли высохшие, сизые от пыли лопухи, слушая*, как неожиданно *взывает* *будто сорвавшаяся с какого-то вихревого метеора мотоциклетка* (К. Федин. Встреча с прошлым). *Ógyelegttem, nézegettem* <...> *a kertnek a*

*maradványait <...>, **be-benéztem** az udvarokba, ahol a kerítések tövében a portól szürke, fonnyadt keserűlapu kókadozott, és **hallgattam**, ahogy váratlanul elsűvít egy-egy motorkerékpár, mintha valamelyik villámgyors meteorról zuhanna le* (Ford. Makai Imre).

2) Деепричастием СВ выражается отношение предшествования. В этом случае также характерно соответствие типа: деепричастие СВ = глагольная форма (венг.): ***Поужинав** молча, растянулся посереду горницы...* (К. Федин. Сад). *Miután szóltan **megvacsorázott**, elnyúlt a szoba közepén...* (Ford. Gyöngyi László).

3) Число подобных переводов с глагольным предикатом без труда можно продолжить. Однако при этом нельзя оставить без внимания того факта, что явное преобладание глагольных форм в качестве венгерского эквивалента, не исключает принципиальной возможности использования деепричастия. Например: *Сильно, – произнес архиерей, с любопытством **разглядывая** рану* (К. Федин. Старик). *Jókora – jegyezte meg az érsek, kíváncsian **nézegetve** a sebet* (Ford. Gellért György).

4) На основе многочисленных примеров можно прийти к такому заключению, что в венгерском языке деепричастие употребляется преимущественно тогда, когда в контексте на первый план выдвигается не акциональная, а обстоятельственная функция данной формы, а именно в виде обстоятельства образа действия. В этом случае наблюдается эквивалентность и с формальной точки зрения: *Закутанные, они шли, **нагнувшись** <...>, **пряча** маленькие личики в поднятые и обкрученные шарфами воротники* (К. Федин. Брат и сестра). *Vebugyolálva mentek, **meggörnyedve** <...>, kis arcoskájukat felgyűrt és sállal körütekert gallérjukba **rejtve*** (Ford. Radó György). *Они побежали, **нагнувшись** еще больше и **вобрав** головы в воротники* (Там же). *Futásnak eredtek, még jobban **meghajolva** s fejüket a gallérjukba **húzva*** (и. о.).

5) В заключение обратим внимание на следующее: богатый интерпретирующий потенциал деепричастия проявляется и в том, что эта форма – помимо своих видо-временных оттенков – может имплицитно передавать и другие оттенки грамматической семантики – в первую очередь *причинные, целевые, условные и уступительные*. Реализация таких «вторичных» обстоятельственно-характеризующих функций во многом зависит от временного отношения между деепричастием и сказуемым, от смысла контекста, а также от (характера) лексического значения производящего глагола. Приведем по одному примеру, чтобы проиллюстрировать скрытую форму выражения (1) причинного значения и (2) целевого значения: (1) *Я решил остановить машину, **убедившись**, что мотор стал перегреваться* (ср.: так как я убедился). (2) *Долго рылся в сундуках, **выискивая** воротники и салфетки самого искусного плетения*. (Гузель Яхина. Дети мои) (ср.: чтобы выискать).

В статье было показано, что при анализе и разноаспектной характеристике синонимических значений нельзя отказываться от формальной стороны данных языковых средств.

Литература

- АПРЕСЯН 1997 = АПРЕСЯН Ю.Д. (под общим руководством) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Языки русской культуры, 1997.
- БОНДАРКО 1983 = БОНДАРКО А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград: Наука, 1983.
- БОНДАРКО 1992 = БОНДАРКО А.В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания, 1992. № 3. 5–20.
- БОНДАРКО 2002 = БОНДАРКО А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
- ГЛОВИНСКАЯ 1982 = ГЛОВИНСКАЯ М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. Москва: Наука, 1982.
- ГЛОВИНСКАЯ 2001 = ГЛОВИНСКАЯ М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва: Азбуковник, Русские словари, 2001.
- ГУРЕВИЧ 2008 = ГУРЕВИЧ В.В. Глагольный вид в русском языке: значение и употребление. Москва: Флинта, Наука, 2008.
- ЛЕНДВАИ 1988 = ЛЕНДВАИ Э. Лексическая семантика русского языка. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1988.
- ПАДУЧЕВА 1996 = ПАДУЧЕВА Е.В. Семантические исследования. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- ШВЕДОВА 1982 = ШВЕДОВА Н.Ю. (Главн. ред.) Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. Москва: Наука, 1982.
- FEGYIN 1959 = FEGYIN K. Elbeszélések. Budapest: Corvina, 1959.
- JÁSZAY 2019 = JÁSZAY L. Az igeszemlélet oktatásának nyelvészeti alapjai [Лингвистические основы обучения глагольному виду]. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2019.
- OROSZ 1999 = OROSZ Á. Семантические значения пассива и их взаимосвязи с аспектуальностью и темпоральностью в русском, венгерском и английском языках // Studia Russica XVII. Budapest. 207–213.

Reflections on Linguistic Interpretation in the Teaching of Russian as a Foreign Language. The subject of this article is the different grammatical forms of verbal action that can create a synonymous relationship with another grammatical form of the verb. In the case of such grammatical synonymy, interpretative differences come to the forefront. The author aims to draw attention to the importance of such differences and present their features from the point of view of mode of expression. When analyzing the phenomenon of grammatical interpretation, the main emphasis is on the verbal categories of

voice, aspect and tense. In addition, special attention is paid to the forms of verbal adverbs in comparison with the verbal predicate of the main action.

Keywords: interpretation of action, functional grammar, voice, weak opposition of aspects, transposition of tense forms, verbal adverbs

